

Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету

Сорочан С. Б. Товарные склады в раннесредневековой Византии (IV – IX вв.) // Вісник Харківського державного університету. – № 396: Історія. – Вип. 29. – Харків, 1997. – С. 14 – 24.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

20. Eutropii Historiae Romanae epitome. — Lipsiae, 1901.
21. Homo L. Essai sur le regne de l'empereur Aurelien (270-275). — Paris, 1904.
22. Levi M. A. L'Impero romano (dalla battaglia di Azio alla morte di Teodosio 1). — Torino, 1973.
23. Mattingly H. Roman coins. From the earliest times to the fall of the Western Empire. — London, 1962.
24. Zosimi historiae Graecae et Latinae. — Lipsiae, 1784.

С. Б. Сорочан

ТОВАРНЫЕ СКЛАДЫ

В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ВИЗАНТИИ (IV–IX вв.)

Приходится констатировать, что хранение товаров (важнейшая составная часть механизма обмена) оказалось обойденным вниманием византийцев, не занимавшихся специально этой темой. Даже Федон Кукулес в своей фундаментальной пятитомной энциклопедии византийского быта не выделил такого рода материалы, хотя обращался к ним при описании эргастриев, эмволов, морских гаваней и других мест, где протекала деловая жизнь византийцев [30]. В лучшем случае отмечалось наличие государственных складов в раннем Константинополе как следствие крупнейшего средиземноморского хлебного экспорта в столицу империи, после чего следовала лакуна, заполненная отрывочными замечаниями, из которых оставалось неясным, существовали ли такого рода инструменты торговли в «темные века» и если были, то где они размещались, как были устроены, кто и как ими владел и пользовался, наконец какую роль в экономической жизни византийского общества они играли. Виною тому, видимо, почти полное молчание источников, обрывки которых приходится выстраивать в хрупкую связующую линию над провалами VII–VIII столетий, предполагая, что правовая и бытовая традиции должны были сохранять значительную силу преемственности в относительно статичном византийском мире. Исходя из такой заранее заданной посылки, можно утверждать, что еще в ранней Византии укоренилась практика складывать и хранить товары чаще всего прямо в эргастрии, кладовой за ним или под ним [12, с. 34]. При этом иногда использовались помещения, находившиеся на верхних этажах зданий, где, как отмечает Юлиан Аскалонит, не потерявший своего авторитета правового источника и в IX–X вв., обычно

устроивались продуктовые склады (вина, гороха и пр.) [18. IV, 2, 42]. Подобные хранилища прослежены при раскопках верхних этажей уличных эвволов фригийских Сард, ниже которых находились мастерские-лавки [22, р. 42-43]. Складочные места продолжали оставаться обязательным атрибутом любой крупной гостиницы-ксенодохиона, как бы редко последние не встречались [38, р. 430]. Но, похоже, такого рода оснащение в виде кладовых, подвалов не всегда бывало достаточным, так что случалось использовать под хранилища любые подходящие помещения, подчас весьма неожиданные. Например, схолии к Василикам сообщают о бане, которая служила складом зерна [15. XX, 1, 54, schol. 1]. Вероятно, получаемые от таких заведений доходы заставляли забыть о нуждах гигиены, тем более, что времена общественных бань после VI в. канули на сотни лет в прошлое.

Для удобства грузоотправителей товарные склады стремились располагать как можно ближе к транспортным коммуникациям, прежде всего водным. Согласно Нотиции дигнитатум продуктовые хранилища в Константинополе находились главным образом в V регионе, около крупнейшего порта Неория, и в IX регионе, около Феодосийского порта, или, как его обычно называли, — Элевтерия, на Мраморном море [27, р. 175-176]. Прочие промежуточные склады-пакгаузы занимали места рядом с гаванями и пристанями вдоль всего побережья Золотого Рога и Босфора [5, с. 108, 109]. Именно о таких сооружениях ремесленников упоминает Малала во время описания событий седьмого индикта, когда переправившиеся через Золотой Рог из Сик-сторонники венецов попали, очевидно, в квартал Зевгма, лежавший к западу от порта Неория, где они стали поджигать приморские склады, стреляя из луков в прасинов, пытавшихся погасить огонь [25, р. 491].

Основная масса складов издавна служила главным образом хранилищами продовольствия для нужд города и властей. Источники VI в., Кодекс Юстиниана, сочинения Йешу Стилита, Псевдо-Захария, Иоанна Малалы неоднократно упоминают о таких специальных государственных хранилищах различных товаров, продуктов, в основном зерна (*horreae*, ΑΠΟΘΗΤΟΝ, ΣΙΤΩΝΙΟΥ, ΣΙΤΩΝΙΚΑ, ΣΙΤΩΝΙΑ или просто ΣΙΤΩΝ), выстроенных по императорским повелениям, которые, судя по интонации описаний, были вполне привычной деталью городского быта [21, XI, 25, 2; 26, р. 35, §40; р. 54, §66; р. 77, §81; 24, I, 7, сар. 6, р. 37; 25, р. 399, 406]. Юстиниан «повсюду в безопасных местах устроил хлебные амбары», а также

«винные склады с достаточным запасом при всяком расходе для воинов» [34, IV, 2, 14; 10, 23]. Такие императорские амбары могли быть открыты лишь по высочайшему повелению. Недаром средоточием их являлась столица. При Юлиане (361—363) в Константинополе было создано около пяти больших зернохранилищ, предназначенных для снабжения города [32, р. 37-50]. По данным, собранным Р. Жаненом и К. Манго, столица Византии по-прежнему располагала к 430 г. пятью или шестью государственными складами, которые были связаны с двумя крупнейшими и наиболее активно действовавшими городскими гаванями [27, р. 175; 32, р. 52-55]. Подобная близость объясняется тем, что пополнение продовольственных запасов в хранилищах шло в основном морскими путями и во многом зависело от поставок из других провинций империи. Названия этих складов были связаны либо с именами императоров, при которых они возводились (Константина, Феодосия, Валентиниана), либо с продуктами, которые там хранились (Олеарий — для масла), либо с названием той местности, откуда поступал товар (например, Александрина). Время от времени со складов велась оптовая продажа зерна хлебоделам-артопам [27, р. 176], а по свидетельству Феофана — производилась раздача зерна горожанам [9, с. 253]. Хронист неоднократно отмечал постоянную заботу правительства, выказываемую по поводу сооружения таких помещений и своевременного их заполнения [9, с. 118; 281]. Естественно, мы можем строить лишь предположения о размерах этих складов. Должно быть, на о. Тенедосе, являвшемся пристанью для грузовых кораблей, пливших с юга к Константинополю через Геллеспонт, остались выстроенные при Юстиниане колоссальные склады, каждый длиной в 280 футов (82 м), шириной 90 футов (26 м) и «невыразимой высоты», по описанию Прокопия [34, V, 1, 14]. В свое время они предназначались для караванов судов с зерном, доставляемом из Александрии, но неясно, функционировали ли они после 641 г., когда начал резко падать хлебный экспорт из североафриканских владений Рومании.

Став достоянием столицы, государственные склады растворяются во тьме VII—IX вв. Источники умалчивают о константинопольских амбарах того времени, хотя нельзя отрицать, что к IX в. существовали склады, в которые собирались натуральные поставки для частной императорской казны-идике (ΔΙΦΘΕΡΙΩΝ ΑΠΟ ΤΩΝ ΑΠΟΚΕΙΜΕΝΩΝ ΕΙΣ ΤΟ ΒΙΔΙΚΟΝ), поскольку идике являлось не только денежной казной [16, р. 99]. Государственные амбары находились в ведении специальных чиновников — нумерария и комита

амбаров [19, р. 701, 3; 7, с. 337]. Особые старания по строительству таких сооружений проявил Василий I (867–886). Ибн Хордадбех, писавший об ар-Руме примерно в то же время, отмечал, что в византийские государственные амбары собиралась десятина урожая, которая предназначалась для нужд войска [4, с. 102, §56а]. Едва ли Константинополь был обойден вниманием властей. Достоверно известно, что в 900 г. здесь имелось особое государственное зернохранилище (ΟΡΕΙΟΝ) [32, р. 52-55]. Наряду с продовольственными складами в Константинополе IX в. существовали императорские пакгаузы, носившие название килистариев (ΒΑΣΙΛΙΚΟΙ ΚΥΛΙΣΤΑΡΕΙΟΣ или ΚΥΛΙΣΤΑΡΙΟΙΣ), куда поступали только ремесленные товары, отмеченные печатью эпарха (ΤΟΥ ΕΠΑΡΧΟΝ ΒΟΥΛΛΗΣ) [3, VIII, 9, 11]. За этим тщательно следили работники каждого хранилища. В Книге эпарха речь идет о складировании в килистариях гиматиев, то есть шелковых и шерстяных тканей и плащей (ΙΜΑΤΙΑ), предназначавшихся для использования императорским двором и чиновничеством, а частично, возможно, шли на продажу и подарки иноземцам. Во всяком случае о такого рода дарах, взятых со складов, говорилось в Книге церемоний [19, р. 661]. Подобные килистарии, но иного профиля, находились в IX в. в районе Анфемия на азиатском берегу Босфора, куда поступало оружие для царских складов [11, с. 51, III, 18; 27, р. 348]. Собственно, особого новшества тут не наблюдалось, ибо традиция килистариев имела прочную основу в прошлом. Государственная казна в Византии изначально располагала большим количеством складов, так называемых thesauri, в которых собирали и хранили золото, серебро; другие материалы, очевидно, одежду, и откуда все это переходило в соответствующий comitatus или использовалось на местные нужды [8, XXII, 3, 7]. Эти склады были также местными ревизионными пунктами, куда бывшие архонты монетных дворов, государственных мастерских и сборщики налогов должны были представлять свои счета [28, р. 428]. Такими пунктами руководили prepositi (позднее comites) thesaurogum, известные также как thesaurenses [33, Or. XIII, 10]. Каждый prepositus thesaurogum, как видно из названия, имел в подчинении несколько thesauri [29, s. 59]. Персонал же thesaurogum должен был состояться только по императорскому утверждению и не мог переводиться в другое ведомство [37, VIII, 7, 23].

Еще одним складочным местом, находившимся под контролем властей, стали к IX веку так называемые митаты, устраиваемые в столице и, вероятно, в тех населенных местах, где были таможен-

ные пункты, куда стекались дорогие импортные товары [31, р. 35]. Под ΟΙΚΩ ΤΩΝ ΜΙΤΑΤΩΝ обычно понимают дом или квартал для временно проживающих иноземцев [З. V, 2, с. 157]. Однако контекст корпоративного постановления позволяет видеть в нем не обязательно гостиницу, а, скорее, особое хранилище для привозных изделий, временный пакгауз, где происходило оптовое распределение товаров среди членов местной системы, продававших их затем в розницу. В любом случае митата, была она одновременно ксенодохионом или нет, выполняла функции складского помещения.

Здания складов имели монастыри и даже отдельные храмы, причем иногда это были сооружения, радовавшие глаз своей красотой, как, например, склад на выходящей к морю части двора Новой церкви, отстроенной при Василии I в 866–881 гг. в честь Христа, архангела Михаила и Ильи Пророка [11, V, 86; с. 137]. Облик таких построек и их конструкционные особенности отличались разнообразием, им трудно подыскать какой-либо стандарт. В значительной мере все определяли местные привычки, обычаи, даже природные особенности разных регионов. Например, для Херсона VII–IX вв. продолжали оставаться типичными складские кладовые с пифосами, заполненными готовой продукцией из рыбозасолочных цистерн, которых было немало в этом портовом городе [45, с. 27–32]. В некоторых случаях хранилищами могли служить вырубленные в скальной породе комплексы ям, вместимостью от нескольких сот килограммов до нескольких тонн, подобных обнаруженным вдоль восточного и западного края плато, на котором находилось городище Эски-Кермен в Юго-Западной Таврике. Любопытное предположение в отношении этих ям было высказано Ю. М. Магаричевым, полагающим, что такие склады раннесредневекового периода были предназначены для хранения зерна или муки, которые крестьяне свозили из долин под защиту стен городища для последующей отправки в соседний Херсон [10, с. 66–67]. Но в большинстве случаев частные склады, особенно продуктовые, имели вид подвальных или полуподвальных помещений, отчего в источниках они названы «камара» или «камаро» (ΚΑΜΑΡΑ, ΚΑΜΑΡΟΝ), то есть «строение (или место) под сводом» (согласно словарю Шантрэна) [15, XVI, 8, 15, schol. 1; 17, р. 488]. Такой сводчатый товарный склад был обнаружен при раскопках Том в здании с мозаикой конца VI — начала VII в. [35, р. 244]. Другим обычным термином, обозначающим склад, на многие века стало «апофики» (ΑΠΟΘΗΚΑΙ, ΑΠΟΘΗΚΗ), под которым подразумевалось как хранилище, так и лавка, хотя в раннее сред-

невековье к последнему смысловому значению прибегали весьма редко. Впрочем, это не мешало вести торговлю через апофику.

Само расположение складов подчеркивает их публичность и общедоступность. Как правило, они выходили дверью на площадь или в общий двор, хотя, если хозяин такого заведения желал пробить другую дверь к другой площади или двору, он обязан был заделать старую [18, IV, 2 §31]. Следовательно, апофики располагали лишь одними дверями, то есть одним входом и выходом. Из раздела De aedificiis privatis Кодекса Юстиниана [21, VIII, 10, 10; VIII, 10, 12, 2], трактата Аскалонита [18, IV, 2, §23, p. 252] и Василик [15, LVIII, 11, 9] известно, что они, как и прочие дома, имели окна, которые, видимо, открывались, когда складом пользовались. Причем особо оговаривалось, что хозяева апофики могут открывать эти окна, когда им угодно: «... ведь они открывают только раз (подчеркнуто мной.—С. С.), не беспокоят постоянно, поскольку это здание является апофикой». Очевидно, речь шла о том, что оптовая торговля, которая велась между торговцами прямо в помещениях частных складов [20, XVIII, 1, 74], не была регулярной и осуществлялась от случая к случаю. Именно так функционировал знаменитый столичный Дом ламп (ΟΙΚΟΣ ΤΩΝ ΛΑΜΠΤΗΡΩΝ), находившийся где-то около форума Константина в начале Месы и сгоревший в 532 г. в дни восстания Ника [27, p. 100]. Среди византинистов принято считать это здание крупным магазином-лавкой, однако источники, его упоминавшие, не содержат об этом конкретных указаний. Между тем Георгий Кедрин отмечал, что это сооружение, само название которого произошло от его особенно яркого освещения, служило для хранения самых дорогих товаров, в особенности тканей, шитых золотом и серебром [23, p. 647]. Без сомнения, такие промежуточные склады, совмещавшие отчасти продажу ремесленных изделий, были отражением слабости экономики, и не только византийской, поскольку «хранить товары на складах заставляли слишком долгий цикл производства и торговой жизни, медлительность перевозок и поступления информации, риск отдаленных рынков, нерегулярность производства, не поддающиеся учету капризы сезонов...» [1, с. 84]. Впрочем, перед нами отнюдь не абсолютный показатель неразвитости товарообмена.

Понятно, что строители таких сооружений стремились быть осмотрительными и пытались размещать хранилища с дорогостоящим содержимым в безопасных местах, но несмотря на меры предосторожности, случалось, здания складов сгорали дотла. Статистика по-

жаров показывает, что причиняемый ими вред был особенно велик именно для эргастриев, их кладовых, пакгаузов, хотя очевидно, что такое случалось обычно из-за общественных беспорядков, мятежей, уличных столкновений буйной «толпы» и представителей властей и лишь в последнюю очередь из-за неосторожного обращения с огнем в производственных и бытовых целях [36, s. 382-403]. Тем не менее повышенная пожароопасность была слабым местом складских сооружений. Учитывая это, еще Кодекс Феодосия содержал закон об общественных работах, предписывавший возводить здания складов не менее чем в 100 шагах-футах (29,4 м) от соседних построек [37. IV. De Operibus publicis]. Позже это расстояние было сокращено до 10 шагов, как и для прочих домов [21, VIII, 10, 12, 2; 18, IV, 2, §23, p. 252; 15, LVIII, 11, 9; 40, № 113, p. 372-375], что вполне объяснимо возросшей плотностью застройки в византийских городах, все более принимавших облик средневековых укрепленных «кастра».

Обладание складом приносило доход, и власти заботились о поддержании своеобразной монополии ромеев на такие сооружения на территории империи. Долгое время иноземцам запрещалось быть их собственниками: это право было особо оговорено лишь в договоре 1082 г. с венецианцами как особая привилегия [6, с. 256]. Византийцы же располагали унаследованной от Рима разработанной правовой системой в отношении владения и пользования складскими помещениями, представленной в Дигестах и затем в значительной мере повторенной в позднейших Эклоге, Частной Распространенной Эклоге и особенно в Василиках. Система эта различала хозяев-депозитариев и нанимателей таких частных складов [20, XIX, 2, 56; XX, 2, 3], однако владеющим сложными там товарами продолжал считаться по закону тот, кому около хранилища передавались ключи от него [20; XVIII, 1, 74]. Поклажеприниматель обладал только держанием. Отданное на хранение в обычном порядке защищал *actio depositi directa* — иск в однократном размере, вытекавший из договора хранения (*depositum, ΠΑΡΑΚΑΘΗΚΗ*) [20, XVI, 3, 1, 1; XVI, 3, 1, 5; 41, XI, 1; 42, XII, 1, 2]. Согласно юридическим нормам Юстинианова законодательного свода, последний относился к специальным соглашениям «по праву народов» [43, с. 218, II, pr.]. Принявший ответственность за сданные ему вещи (как и римские хорреарии, владельцы складов (*horreum*) должен был проявлять о них максимум заботы и предотвращать возможные кражу или порчу (*casus minor*) [44, с. 97, 144]. Помещенные на склад товары, грузы должны были быть отмечены соответствующими надписями, которые

наносились прямо на них. На пифосах VII–VIII вв. из херсонесского винного склада, найденных в Северном доке Севастополя, такого рода записи были представлены именами (Питар, Тасий, Ромол, Криний, Килита), реже монограммами имен (Анастасий) владельцев пифосов, нанесенными прямо на сосуды [13, с. 83–84, № 12]. Интересно, что среди них встречаются имена рабов, например, Плиада, жена Килика. В любом случае закон защищал прежде всего интересы владельца товаров, помещенных на хранение, кем бы он ни был. Хозяин склада обязывался предъявлять сложенный там товар только в случае вчинения иска о предъявлении, несмотря на то, что он мог и не являться владельцем этих товаров [20, X, 4, 5]. Срок найма склада не ограничивался при условии исправной платы за хранение. Собственник склада мог вскрыть его в случае, если наниматель не появлялся и не вносил наемной платы в течение двух лет [20, XIX, 2, 56]. Ущерб от вещей, сданных на хранение, разрешал депозитарию предъявить к внесшему на хранение *actio depositi contracta*, то есть обратный иск. Однако грабеж или взлом склада не обязательно влек за собой ответственность собственника склада за помещенные в нем товары, «разве что он взял на себя охрану складов» [20, XIX, 2, 55; ср. 41, XI, 1; 42, XII, 1, 2]. Последний критерий показывает, что безопасность складочных мест обеспечивалась по-разному и разными лицами. Она могла зависеть от апофикария (ΑΠΟΦΗΚΑΡΙΟΣ), «надзирателя за апофикой», известного по эпиграфическим источникам ранневизантийского периода из Фракии [14, р. 453], а могла осуществляться специально нанятыми для этих целей стражей (ΦΥΛΑΚΗ) или сторожем (ΦΩΛΑΣ, ΦΩΛΑΚΟΣ). Вместе с тем, некоторые хранители складов, наравне со стражниками, агентами муниципальной администрации относились к государственным служащим, находившимся на жалованьи [39, р. 132]. Согласно Земледельческому закону, сторожа, участвовавшего в краже, ожидала не только потеря причитавшейся ему наемной платы (ΜΙΣΘΟΥ), но и жестокое избиение (ΤΥΠΤΕΣΘΩ) [2, гл. 33, с. 110]. Едва ли существенно отличалось наказание для виновного в убытке сторожа склада.

Наряду с наемными мисфиями охрана складированных товаров могла быть поручена рабам хозяина хранилища, а для некоторых складов в качестве сторожей использовали императорских рабов. Не исключено, что такая охрана строилась на паях и отсюда проистекал ее смешанный характер. Достоверно одно: «... если взломаны склады, то можно производить расследование с пытками против рабов, которые были сторо-

жами, хотя бы часть этих рабов (выделено мной. — С. С.) принадлежала самому императору» [20, I, 15, 3, 2]. Значит, другой частью сторожей хозяева складов могли либо распоряжаться на правах собственников, либо нанимали их за поденную или помесячную плату.

В итоге перед нами предстает весьма развитая континуитетная система складского дела с четкой инфраструктурой, в которой выделяются верхние и нижние «этажи». Государственные хранилища, позднейшие килистарии, монастырские и церковные склады перетекали в средний между частным и общественным вариантом митатного складирования, чтобы разлиться над широким основанием из апофик, частных промежуточных складов-пакгаузов, простейших кладовых, которыми была оборудована основная масса стационарных мест производства и торговли, начиная с мелких эргастриев, совмещавших торгово-ремесленные помещения с хранилищами товаров, и заканчивая крупными, относительно специализированными складами в непосредственной близости от основных коммуникационных линий. На всех уровнях они отчасти совмещали цели хранилища и торгового учреждения, занятого по крайней мере оптовой торговлей, где товар в больших количествах отпускался перекупщикам. Во всяком случае, ясно, что склады, являясь неперменным и важным орудием раннесредневековой экономики Византии, способствовали функционированию государственного механизма распределения, одновременно обеспечивая производство и движение товаров, каким бы замедленным оно ни было.

Литература

1. Бродель Ф. Игры обмена. — М., 1988.
2. Византийский Земледельческий закон / Текст, исслед., коммент. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведева, Е. К. Пиотровской. — Л., 1984.
3. Византийская Книга епарха / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюжмова. — М., 1962.
4. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер., коммент. Н. Велихановой. — Баку, 1986.
5. История Византии: В 3-х т. — М., 1967. — Т. 1.
6. История Византии: В 3-х т. — М., 1967. — Т. 2.
7. Каждан А. П. Деревня и город в Византии IX—X вв. — М., 1960.
8. Кулаковский Ю. А. Аммиан Марцеллин. История / Пер. с лат. — Киев, 1907. — Вып. 2.
9. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Пер. В. И. Оболенского, Ф. А. Терновского, предисл. О. М. Бодянского. — М., 1884.

10. Магаричев Ю. М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. — Симферополь, 1992.
11. Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей / Изд. Я. Н. Любарского. — СПб., 1992.
12. Фихман И. Ф. Египет на рубеже двух эпох. — М., 1965.
13. Шангин М. А. Некоторые надписи Херсонесского музея // Вестн. древней истории. — 1938. — № 3(4).
14. Asdracha C. L'apport du temoignage epigraphique a l'histoire medievale de la Thrace // Byzantino-bulgarica. — 1981. — Т. 7.
15. Basilicorum libri LX. Vol. 1-6 / Ed. Heimbach. Lipsiae, 1833-1870; vol. 7 / Ed. E. C. Ferrini, J. Mercati. — Lipsiae, 1897.
16. Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos. — London, 1911.
17. Chantraine P. Dictionnaire etymologique de la langue grecque. Histoire des mots. T. 1. — Paris, 1968.
18. Constantini Harmenopuli Manuale legum sive Hexabiblon / Ed. G. Heimbach. — Lipsiae, 1851.
19. Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae byzantinae libri duo / Rec. I. I. Reiskii. — Bonnae, 1829. — Vol. 1.
20. Corpus juris civilis. Vol. 1. Digesta / Rec. Th. Mommsen. Retractavit P. Krueger. Ed. stereotypa undecima. — Berolini, 1908.
21. Corpus juris civilis. Vol. 2. Codex Iustinianus / Rec. P. Krueger. Ed. stereotypa 6. — Berolini, 1895.
22. Foss C. Byzantine and Turkish Sardis. — Cambridge (Mass.); London, 1976.
23. Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae compendium historiarum / Ope ab I. Bekkero suppletus et emandatas. — Bonnae, 1838. — Vol. 1.
24. Historia ecclesiastica Zachariae Rhetori vulgo abscripta / Ed. E. W. Brooks. T. 2. — Parisiis, 1921.
25. Ioannis Malalae Chronographia / Rec. L. Dindorfii. — Bonnae, 1831.
26. Joshua the Stylite. The Chronicle Composed in Syriae A. D. 507 / Ed. W. Wright. — Cambridge, 1882.
27. Janin R. Constantinople byzantine. — Paris, 1950.
28. Jones A. H. M. The Late Roman Empire. 284-602. — Oxford, 1964. — Vol. 1.
29. Karayannopoulos J. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. — München, 1958.
30. Koukoules Ph. Vie et civilisation byzantines. — Athen, 1948. T. 2. Fasc. 1; 1952. T. 5.
31. Lopez R. Silk Industry in the Byzantine Empire // Speculum. 1945. — Vol. 20. 1.
32. Mango C. Le developpement urbain de Constantinople (Ve-VIIe siecles). — Paris, 1985.
33. Notitia dignitatum utrisque Imperii, pars Occident pars Orient / Ed. O. Seeck. — Berolini, 1876.

34. Procopii Caesariensis Opera omnia / Rec. J. Haury, G. Wirth. Vol. 4. De aedificiis. — Lipsiae, 1962.
35. Sampetru M. Situatia imperiului romano-bizantin la Dunarea de Jos la sfirsitul secolului al VI-lea si inceputul celui de — al VII-lea // Studii si cercetari de istorie veche. — Bucuresti, 1971. — T. 22,2.
36. Scheider A. M. Brande in Konstantinopel // Byzantinische Zeitschrift. — 1941. — Bd. 41.
37. Theodosiani libri XVI constitutionibus Sirmondianis et Leges novellae ad Theodosianum pertinentes / Ed. Th. Mommsen, P. M. Meyer—Berolini, 1905. — Vol. 1. — P. 2.
38. Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon magister, Georgius monachus / Rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1838. P. 1-481.
39. Yannopoulos P. A. La societate profane dans L'Empire byzantin des VIIe, VIIIe et IXe siecles. Louvain, 1975.
40. Les Nouvelles de Leon VI le Sage / Texte et traduction publies par P. Noailles et A. Dain. — Paris, 1944.
41. Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. — М., 1965.
42. Ecloga privata aucta // Jus graeco-romanum / Ed. C. E. Zachariae a Lingenthal. — Т. 4. — Lipsiae, 1865.
43. Липшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии IX—XI вв. — Л., 1981.
44. Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. — М., 1989.
45. Золотарев М. И. Раннесредневековый рыбозасоленный комплекс в Херсонесе // Античная древность и средние века.—Свердловск, 1977— Вып. 14.

В. В. Литовченко

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ИМПЕРАТОРА ЛЬВА VI МУДРОГО В ОТНОШЕНИИ ЦЕРКВИ

Во второй половине IX в., после победы над иконоборцами, все более усиливается могущество Византийской церкви, ее стремление доминировать над императорской властью. Особенно ярко это проявлялось во время патриаршества Фотия (857-867, 877-886), вся деятельность которого была направлена на возвышение роли патриарха, придание ему своего рода папского статуса и ограничение власти императора. Наиболее ярко и четко это отразилось в Эпанатогге, в создании которой Фотий принимал активное участие. Титул II этого свода «О василевсе» и «О патриархе», перечисляя полномо-